

Рец.:

Элизабет Р. Джексон. Непроизвольная память
в творчестве Марселя Пруста
Jackson, Elizabeth R. L'évolution de la mémoire involontaire
dans l'oeuvre de Marcel Proust.
Paris: A.G. Hizez, 1966. – 280 p.

В основе книги американской исследовательницы Элизабет Р.Джексон, изданной на французском языке, лежит ее докторская диссертация которую она защитила в Сорбонне в 1963 году (научный руководитель - известный французский литературовед Антуан Адан). Проблема диссертации уже многократно рассматривалась в западном литературоведении, однако книга интересна как показатель того, что новые тенденции в освещении философского содержания творчества Пруста, наметившиеся около десятилетия назад, теперь можно считать окончательно закрепившимися.

Как известно, до недавнего времени философские взгляды Пруста обычно рассматривались в свете интуитивизма Анри Бергсона, хотя уже в 1920-е годы такой тонкий и проницательный критик, как Жак Ривьер, считал, что бергсонистская окраска размышлений о памяти и времени не является ни главным аспектом прустовского романа, ни показателем того нового, что принес Пруст в литературу. Взгляды Пруста и взгляды Бергсона сближались ранее на основании сходства в концепции произвольной и произвольной памяти у писателя и памяти-привычки и спонтанной памяти у философа. Однако исследования, начатые Жаном Поммье, Р. де Мессьером, Д. Олденом и продолженные в капитальном труде Элизабет Чоничер¹, показали, что разграничение двух видов памяти, во-первых, было известно в науке и литературе до Бергсона и, во-вторых, никогда не занимало ключевого положения в его философии, в то время как в мироощущении Пруста оно играло исключительную роль. В исследовании Чоничер были приведены интереснейшие примеры сходства прустовской концепции двух памятей с концепциями психологов Теодюля Рибо и Фредерика Полана, использования явлений произвольной памяти такими писателями, как Гюго, Фромантен, Андре Терье (со своей стороны, мы считаем необходимым обратить внимание на крайне интересный с этой точки зрения эпизод с красной точкой и геранями в «Исповеди Ставрогина» Достоевского). После труда Чоничер стало очевидно, что говорить о бергсонизме Пруста на основании его интереса к явлениям произвольной памяти невозможно.

Продолжая линию книги Чоничер, Элизабет Джексон в своей диссертации подходит в проблеме памяти у Пруста, с одной стороны, как к вопросу, имевшему для писателя первостепенное значение, с другой, как к явлению, на котором сказались многообразные идейные влияния эпохи. Концепция памяти у Пруста рассматривается в диссертации не статично, а в ее развитии, начиная с раннего сборника новелл «Утехи и дни» и кончая «Поисками утраченного времени» (кроме «Поисков», отдельные главы посвящены «Утехам и дням», «Жану Сантейлю», предисловиям к Рёскину, «Против Сент-Бёва»). Вместе с тем исследовательница подчеркивает, что, несмотря на многократное использование явлений произвольной памяти в раннем творчестве Пруста, они и в отдаленной степени не играют в нем той роли, какую они приобретают в «Поисках утраченного времени». Важность проблемы памяти для Пруста Элизабет Джексон видит в том, что различение двух ее видов позволяет ему поставить вопрос о противоречии между «именем» и «сущностью», воображением и действительностью, предварительным знанием и непосредственным восприятием.

¹ E. C z o n i c z e r. Quelques antécédents de «À la recherche du temps perdu». – Genève - New York - Paris, 1957.

Основной отличительной чертой произвольной памяти в «Поисках» исследовательница считает ее аффективный характер. В отличие от памяти произвольной, она почти целиком зависит от ощущений, которые и пробуждают к жизни воспоминание, затерянное в глубинах подсознательного. Что касается ее собственно произвольного характера, подчеркиваемого Прустом, то Элизабет Джексон видит в этой акцентировке средство драматизации повествования. Исследовательница различает три разновидности произвольной памяти в «Поисках утраченного времени». Во-первых, это наплыв образов прошлого во сне или в состоянии полубодрствования (начало «Стороны Сванна», ряд эпизодов «Пленницы»). Затем, это память сердца, или, как сам Пруст называет ее, «перебои сердца» (воспоминания о Жильберте, бабушке, Альбертине). И, наконец, то, что Э. Джексон называет «эстетической памятью» (знаменитые эпизоды с пирожным-мадленой в «Стороне Сванна» и в особняке Германтов в «Обретенном времени»).

Эта классификация не вызывает никаких возражений, как, впрочем, и большинство остальных положений книги, которая не дает принципиально нового решения вопроса, а лишь идет в направлении, указанном исследованием Чоничер. Повторяя основные выводы Чоничер, диссертация Джексон свидетельствует о том, что западное литературоведение считает проблему «Пруст-Бергсон» снятой.

Можно только пожелать, чтобы прямолинейное сопоставление взглядов Бергсона и Пруста, стойко держащееся у нас в ряде учебных пособий и справочных изданий, уступило место более конкретному исследованию мировоззренческих истоков творчества писателя, тем более что в последних работах отечественных литературоведов о Прусте сделаны шаги в этом направлении.

Совр. худож. лит. за рубежом. – М.: ВГБИЛ, 1968. – № 4 (70). – С. 180-183.